

Review итоги экономического форума

До конца лета в России появится Кодекс корпоративного управления, который заменит нынешний Кодекс корпоративного поведения. В документе планируется указать четкие критерии независимости директоров, ограничить их «золотые парашюты» и указать, какую информацию компания должна предоставлять акционерам. Об этом руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) Дмитрий Панкин сообщил на дискуссии «Совершенствование стандартов корпоративного управления в России» в рамках Петербургского международного экономического форума.

В поисках оценки эффективности

— корпоративное управление —

Проект Кодекса корпоративного управления уже опубликован на сайте ФСФР. До конца лета его планируется доработать и принять. Как и Кодекс корпоративного поведения, новый документ будет носить рекомендательный характер. В нем будет говориться о равенстве прав акционеров, о необходимости перехода на электронный формат их взаимодействия с акционерным обществом (АО). Кроме того, в документе указываются четкие критерии для независимых директоров и их функции. Систему вознаграждений для топ-менеджеров («золотой парашют») рекомендуют ограничить размером двукратного годового вознаграждения. В кодексе также будут установлены требования к раскрытию информации по запросу акционеров, однако пока ФСФР не определилась с рекомендацией на этот счет. По словам Дмитрия Панкина, рассматривается два варианта: АО должно предоставлять любые сведения или оно может отказать в выдаче информации. Сейчас оба варианта обсуждаются. «Ждем реакцию бизнес-сообщества», — подчеркнул глава службы.

«Новый кодекс — это, безусловно, позитивный шаг вперед», — отметил управляющий партнер PwC в России Дэвид Грэй. — Пока остается мнение, что Россия является местом, где нормальные стандарты еще не установились. На мой взгляд, это несправедливо». В то же время, по мнению господина Грэя, «можно иметь самый лучший Кодекс корпоративного управления, но всегда останется вопрос качества директоров». На его взгляд, качество российских топ-менеджеров зачастую оставляет желать лучшего.

С ним согласился независимый директор ОАО «Северсталь» Рональд Фримен. Члены советов директоров российских компаний, как правило, боятся возражать руководству, утверждает он. «Часто в России, когда босс присутствует на заседании, все говорят: „Да, босс, будем исполнять!“, — рассказал господин Фримен. Впрочем, в РФ есть главы крупных компаний, которые готовы выслушивать своих топ-менеджеров и учитывать обоснованную критику с их стороны. По словам Рональда Фримена, к таким относятся председатель совета директоров «Северстали» Алексей Мордашов и председатель правления Сбербанка России Герман Греф.

Проблема отбора кандидатов в независимые директора актуальна и для компаний с государственным участием. Как утверждает заместитель министра экономического развития РФ Ольга Дергунова, отсутствие формализованных критериев

Руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам Дмитрий Панкин уже опубликовал проект кодекса на сайте ФСФР и теперь ждет реакции бизнес-сообщества

приводит к «целому ряду искривлений, в первую очередь коррупционных, когда люди говорят: „Я очень хочу работать в этом обществе. Сделаю так, чтобы я стал членом совета директоров“». Кроме того, не каждый способен стать эффективным членом ревизионной комиссии или комитета по аудиту, даже если он хорошо разбирается в той отрасли, в которой работает компания. «Мы попытались на этапе первого отбора на сезон 2013–2014 годов сформулировать для представителей аудиторских комитетов и ревизионных комиссий некий набор базовых требований, а именно: наличие финансового или экономического образования, наличие дипломов, которые подтверждают квалификацию в области бухгалтерского учета как по российским, так и по международным стандартам, или сертификата, который дают профессиональные аудиторские ассоциации, подтверждающего профессиональную компетенцию именно в этой отрасли», — рассказала госпожа Дергунова. Благодаря этому, в ревизионные комитеты 150 крупнейших компаний с госучастием впервые были включены независимые директора, обладающие необходимыми навыками.

Директор направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив Дмитрий Песков

предложил проводить для кандидатов в независимые директора курсы в интернете. Претендентам необходимо будет рассказать, как они будут решать те или иные проблемы корпорации.

Другой проблемой является оценка эффективности работы совета директоров. Ольга Дергунова заявила, что срок полномочий советов необходимо увеличивать, ибо за один год их члены не успевают до конца войти в курс дела. Против этого выступил Рональд Фримен. По его мнению, если топ-менеджеры не успели освоиться в новой должности за год, с ними следует расставаться без сожаления. А оценивать эффективность их работы должны независимые директора. В качестве примера он привел историю, произошедшую в Верховном суде США. Туда обратились, чтобы определить, что является порнографией, и судья заявил: «Я не могу дать определение порнографии, но точно знаю, что это порнография, когда вижу ее».

Заместитель председателя совета директоров ОАО «ТМК „Норильский никель“» Андрей Бутров также согласился, что «для членов совета директоров никаких показателей эффективности в формализованном виде не существует». На его взгляд, формализованный подход в сфере корпоративного управления в при-

нципе вреден. По словам господина Бутрова, одно время в совете директоров «Норильского никеля» работал профессор Гарвардского университета (возможно, имеется в виду Лучиан Бебчук, независимый директор в 2011–2012 годах. — „Ъ“). «Он задавал вопросы: „Кому принадлежит корпорация?“ И когда я ему отвечал — и я до сих пор в это верю, — что компания принадлежит акционерам, он говорил: „Нет. У нас акция — это ваучер, который отражает ваше право на получение дивидендов. А компания принадлежит стейкхолдерам: кредиторам, потребителям, местному комьюнити, которому вы какие-то услуги оказываете, молочнику, который привозит гендиректору молоко по утрам“. Представьте себе, что это такое. Это больше, чем социализм», — возмутился господин Бутров.

Тем временем глава международных размещений NYSE Euronext Альберт Ганюшин отметил, что РФ использует европейский подход к регулированию корпоративного управления: множество необязательных к исполнению рекомендаций. По его мнению, более эффективен американский метод: требований много, но компании обязаны их выполнять. В США коммерческие структуры должны представлять достоверную отчетность, а комитеты по аудиту должны быть стопроцентно независимыми. «В результате этого американский рынок — самый крупный в мире, — подчеркнул господин Ганюшин. — Он в несколько раз превышает европейский». Однако Андрей Бутров предостерег от механического переноса иностранных методов на российскую почву. «Костюмчик, который будет сидеть на всех, нам сшить не получится», — полагает он.

Впрочем, несмотря на ряд недостатков, позитивные перемены в сфере управления российскими компаниями уже наступили. Как подчеркнул председатель правления ОАО «Московская биржа» Александр Афанасьев, в этой области Россия за двадцать лет прошла тот путь, который западные страны преодолевали два века. Еще в 1990-х годах практически все собственники компаний занимались их оперативным управлением. Отдавать компании в руки наемным менеджерам боялись, а сейчас это обычное дело. «Нужно людей, которые хорошо управляют компаниями, сделать известными в России», — считает Рональд Фримен. — Нужно показывать их по телевидению, делать так, чтобы чистая собственность стала чем-то положительным на фоне той семидесятилетней истории, когда частная собственность отвергалась.

Антон Арсеньев

В поисках мира на региональном уровне

— глобализация —

(Окончание. Начало на стр. 45) Кроме того, зависимость от природных ресурсов может быть не самым разумным условием для интеграции», — говорит господин Берглоф. По его словам, реальные преимущества для международного сообщества — снижение нетарифных барьеров, облегчение торговли, обеспечение мобильности труда и капитала.

Господин Берглоф резюмировал: «Если ускорять процессы, не думать об эффектах для разных стран, это может дать обратный эффект, как это было в ЕС. Надо думать о том, как создавать институты, которые дадут эффект на национальном уровне».

Виктор Христенко напомнил, что основная работа по созданию Евразийского экономического пространства должна быть завершена к 2015 году. По его словам, это очень сжатые сроки и эффекта сразу ждать не стоит. «С одной стороны, формирование Евразийского союза происходит не в самой благоприятной глобальной экономике, и это накладывает отпечаток на развитие экономик трех стран, создает определенные барьеры для интеграции. Но, с другой стороны, это подталкивает государства к модернизации, структурным изменениям. Здесь важно попытаться удержать баланс между интеграцией и национальными интересами», — отметил господин Христенко.

Заместитель премьер-министра Республики Казахстан Кайрат Келимбетов полагает, что региональная интеграция — это попытка совместно отвечать многим вызовам времени. «Интересно, как у нас на глазах сейчас происходит перестройка глобального механизма. С одной стороны, стоит вопрос регулирования и создания национальных регуляторов, с другой стороны — есть технологическое отставание, которое нужно преодолевать. Евросоюз сегодня является главным торговым партнером для многих стран. При этом мировая гравитация смещается в сторону Азии. Китай и Индия через несколько лет будут в тройке крупнейших экономик», — говорит господин Келимбетов.

Директор Центра им. Бертольда Байтца при Германском совете по внешней политике Александр Рар, продолжая дискуссию, озвучил ряд вопросов. Почему ЕС не спешит сблизиться с Евразийским союзом? Будет ли в рамках регионализации доминировать доллар как единая валюта или будет сохраняться роль разных валют? Будет ли приоритетом суверенность государств или мы придем в ситуацию, где стерты границы между странами?

Господин Рар отметил, что на Западе считается, что в Евразии другие ценности. Отчасти это одна из причин осторожного отношения к России. «Россия и страны БРИКС хотят двигаться по традиционной схеме, трансатлантические страны — по пути глобализации. Как это совместить, ведь это две конкурирующие модели. Сейчас в Германии и в северных странах ЕС наблюдается энтузиазм по поводу создания единого торгового пространства с США. Преимущество отдано западной зоне, а не России. В свою очередь, если бы ЕС создал такой союз с Россией, то выиграл бы. Поче-

му европейцы не выбирают этот путь? Здесь, помимо экономики, есть политика», — рассуждает господин Рар.

Заместитель руководителя генерального директората Евракомиссии по торговле Петер Балаш отмечает, что Россия — важный торговый партнер для Европы, но есть определенные сложности для сотрудничества с Евразийским союзом в целом. «Мы с интересом следим за развитием интеграции, за созданием Евразийского союза, с которым мы готовы сотрудничать. Россия может быть нашим партнером, но для этого все три члена таможенного союза должны вступить в ВТО. Только тогда можно говорить о сотрудничестве», — сказал господин Балаш.

Первый заместитель председателя правительства Российской Федерации Игорь Шувалов полагает, что в процессах интеграции больше политики, чем экономики. Между тем Евразийский союз создается, по его словам, исключительно с экономическими мотивами. «Есть люди, которые хотят, чтобы появилась политическая подоплека, потому что они помнят о Советском Союзе. Но мы строим взаимодействие исключительно в расчете на экономику. Нам бы хотелось стать мощным глобальным игроком. Мы не создаем изолированных объединений. Евразийский экономический союз образовывается на принципах ВТО. Это открытое для интеграции объединение, действующее по цивилизованным принципам. Мы не создаем ничего, чего следовало бы бояться. Втроем (Россия, Белоруссия, Казахстан. — „Ъ“) мы сильнее, чтобы интегрироваться в общее экономическое пространство с ЕС. Прохладное отношение, которое образовалось в последние годы, следовало бы сменить. Россия заслуживает, чтобы к ней относились как к ключевому игроку», — сказал господин Шувалов.

Генеральный директор ВТО Паскаль Лами полагает, что региональная интеграция останется главным способом поведения в рамках глобализации. Он отмечает, что интеграция рынка происходит в тех сферах, которые культурно объединены, где происходит фундаментальная рыночная интеграция. Для объединения больше нет серьезных барьеров. Система управления рисками защищает производителей и потребителей. «Важно понимать: региональная интеграция ведет к конвергенции или к фрагментации? Вопрос остается открытым. Сегодня мы видим и другие формы интеграции, которые в меньшей степени зависят от географической близости. Это, например, континентальное, трансатлантическое сотрудничество», — говорит господин Лами.

Участники дискуссии задаются вопросом, какую позицию в глобальной игре занимает Россия. Крупные сделки, как правило, происходят за пределами России, Африки, Персидского залива. «Россия должна подумать, почему так происходит. Есть два выхода — присоединиться к глобальной системе без переговоров или стать участником глобальной игры. Самый очевидный способ стать ее участником — создать систему интеграции между Россией и ЕС. Я думаю, это должен быть стратегический выбор России», — заключил господин Лами.

Кристина Наумова

Ставка на знания

— интеллектуальные ресурсы —

Экономика знаний стала распространенным термином, который сейчас широко обсуждается в России. Но не все считают инвестирование в «заоблачные» проекты целесообразным. За и против экономики знаний высказывались участники панельной сессии «Экономика знаний — стратегия на опережение», которая прошла в рамках Петербургского международного экономического форума.

Доля экономики знаний в экономике Петербурга составляет 25%, что на 10% выше, чем в среднем по России, сказал губернатор Петербурга Георгий Полтавченко. Он добавил, что город обязан ставить перед собой задачу к 2020 году довести этот уровень до 30%, а в ближайшие десять лет — до 35–40%. Господин Полтавченко уверен, что эта реальная для города задача. По его словам, здесь есть необходимая научная и образовательная база. Губернатор полагает, что России следует наполнить сырьевую экономику экономикой знаний. Таким образом, необходимо развивать направление, в котором мы уже успешны.

С таким тезисом согласен председатель правления, управляющий партнер КРМГ в России и СНГ Олег Гошанский. «Нужно помнить, в чем Россия исторически сильна. Это военная промышленность, нефтегазо-

вая отрасль. Необходимо создавать ноу-хау в отраслях, которые уже развиты в стране», — сказал господин Гошанский.

По словам Олега Гошанского, сегодня положение России с точки зрения экономики знаний не самое плохое: в России есть «Яндекс», Yota, Qiwi. Господин Гошанский полагает, что наиболее важным фактором для развития экономики в мировом масштабе должно стать «аккумуляирование мозгов, интеллекта, инновационного потенциала». «Выигрывает тот, кто может обеспечить экспорт „мозгов“ через создание новых технологий, через создание новых продуктов, через создание ноу-хау», — говорит господин Гошанский.

Кроме того, необходимо с помощью различных инструментов стимулировать малый и средний бизнес. Это могут быть налоговые льготы, выгодные условия кредитования, снижение административных барьеров, рассуждает Олег Гошанский.

Георгий Полтавченко полагает, что с помощью экономики знаний можно создать удобную для жизни городскую среду. Так, например, город рассчитывает на условиях государственно-частного партнерства серьезно модернизировать ГВП «Водоканал». Кроме того, экономика знаний востребована, по словам губернатора, и в промзонах, и в медицине, и при сохранении исторического центра. «Мы еще не очень

хорошо научились внедрять то, что производим. Не надо забывать, что многие российские разработки были внедрены за рубежом», — добавил Георгий Полтавченко.

Академик РАН Абел Аганбегян полагает, что тезис о том, что мы развиваемся быстрее всех, устарел. «Промышленность не развивается, сельское хозяйство деградирует, валовой продукт не растет. Но даже на эти показатели нужно смотреть. Продолжительность жизни в России 70 лет, в Европе — 80 лет. Показатель в 70 лет у них был 50 лет назад. Вот насколько мы отстаем», — говорит господин Аганбегян.

Он констатирует и «ужасное отставание в информационных технологиях». Даже Индия, по его словам, экспортирует информационные программы. Экономика знаний — это не лозунг, а конкретные деньги, подчеркивает господин Аганбегян.

Абел Аганбегян полагает, что России необходимо ускорить социально-экономическое развитие. «Если мы будем развиваться в темпе трех процентов, мы обречены. Мы не входим в число развитых стран, поэтому у нас должны быть более высокие темпы развития. Нам надо понять, какие у нас есть драйверы развития. Сегодня экономика знаний занимает в ВВП 15 процентов. Она может стать таким драйвером, катализатором роста экономики», — сказал господин Аганбегян.

Помощник президента Российской Федерации Андрей Фурсенко подчеркивает, что экономика знаний — это не только информационные технологии, но и любое новое знание, за счет которого возможен прорыв в экономике. «Но кто будет работать в экономике знаний? Нужно совершенствовать квалификацию кадров», — добавил господин Фурсенко.

Начальник департамента инноваций и стратегического развития государственной корпорации «Ростехнологии» Александр Каширин с этим тезисом согласен. «Так как главный носитель компетенции — это человек, обладающий знаниями, умениями и навыками, то, следовательно, для опережающего развития нам нужен высокообразованный человек, который будет нацелен на достижение превосходства. Создание условий для формирования такого человека и есть главная задача государства и бизнеса», — говорит господин Каширин.

Заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета им. Ломоносова Владимир Квинт также полагает, что России необходимо задуматься о качестве кадров. «С распадом СССР появилось много вузов, которые стали готовить юристов, экономистов. Но они не востребованы рынком. Сегодня нужно перестроить систему образования, сфокусироваться на

конкретных проблемах конкретных производств. России важно сосредоточиться на качественных показателях», — сказал господин Квинт.

Генеральный директор РВК Игорь Агамирзян полагает, что не стоит недооценивать роль информационных технологий в развитии экономики. «Сейчас все развивается с помощью технологий. Что такое современная медицина? Это компьютеры. Производственные линии — это тоже компьютеры. Сегодня в любом микрофоне или диктофоне есть процессор. Если в традиционной индустриальной экономике центр добавленной стоимости лежал в производстве, то сейчас — в разработках», — говорит господин Агамирзян.

Ректор Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики Владимир Васильев напоминает, что субъектом экономики знаний является человек. Однако интересы государства и трудоспособного населения не сходятся. «Государству нужен человек-функция, но современному поколению это неинтересно. Молодые люди мыслят короткими проектами, им не нужен карьерный рост. Их интересует реализация своих идей», — поясняет господин Васильев. По его словам, такая проблема сегодня во всем мире. Российское образование должно найти механизмы и инструменты, чтобы

связать интересы людей и государства в этом вопросе.

Александр Каширин отмечает, что жизненный цикл товара стал очень коротким, а конкуренция работает по принципу «быстрый поедает медленного». Организация производства сегодня гибкая, и ключевыми факторами роста являются знание и инновации. Соответственно, необходимы инвестиции в человеческий капитал, необходимо непрерывное обучение, так как изменения происходят постоянно. Тот, у кого есть компетенция, остается на рынке. «Выпуск iPhone был преимуществом для компании Apple, однако позднее подобную продукцию стали выпускать и конкуренты. У них хватило компетенции, и они оставили за собой долю рынка», — говорит господин Каширин.

Управляющий партнер I2BF Global Ventures Илья Голубович полагает, что в формировании экономики знаний важную роль должны играть частные компании. «Стартапы не могут конкурировать с государственными корпорациями или крупными компаниями. В то же время большая часть разработок сегодня финансируется государством. Частные инвесторы не вовлечены в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Но для заинтересованности бизнеса должны быть предпосылки и условия», — говорит господин Голубович.

Кристина Наумова